

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С.А. Соллертинский

**Памяти
о. Иоанна Леонтьевича Янышева**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1911. № 1. С. 93-101.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Памяти О. Іоанна Леонтьевича Янышева ¹⁾).

ЕДВА ли кого будетъ оспаривать, что помпаемый сегодня Духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ нашъ Ректоръ и профессоръ, О. Протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ, не былъ только извѣстностью, но твердою рукою вписалъ свое имя въ скупую на приемъ къ себѣ исторію. Однако, такъ же неоспоримо, что опредѣленное историческое сужденіе о немъ въ настоящее время невозможно. На извѣстный срокъ исторія какъ будто совсѣмъ забываетъ о дѣятелѣ, только что сошедшемъ съ жизненнаго поприща, дабы углубились въ необходимыя для нея детальныя работы, дабы засимъ извѣстныя черты, особенности историческаго дѣятеля или выпуклѣ обозначились, или же очистились отъ разныхъ временныхъ осложненій, въ родѣ тѣхъ нестройностей, которыя причинялись невротатами во время кронштадтской общей исповѣди и, когда это было вживѣ, отталкивали нѣкоторыхъ отъ грандіознаго процесса, происходившаго въ Андреевскомъ соборѣ. Такъ конечно и въ настоящемъ случаѣ настоятъ прямая нужда во всеуспокаивающемъ времени, еще болѣе нужна тщательная подготовительная работа; и мы видимъ только пути, по которымъ имѣютъ пойти послѣднія. Видимъ, что онѣ должны высказать обстоятельное слово о талантѣ организующей власти, наличность котораго сдѣлала возможнымъ для низшаго клирика предсказать упокоившемуся—еще мальчику, что изъ него «выдетъ большой протоіерей». Онѣ скажутъ объ этомъ великомъ облагораживающемъ вліяніи, ко-

¹⁾ Рѣчь, которая была произнесена предъ паннихидою въ Академической церкви съ соответственными мѣсту замѣнами 1-го и 2-го абзацевъ нѣсколькими словами.

торое оказывала на студентовъ гуманнѣйшая личность покойнаго и въ которомъ обыкновенно замѣчалась не сущность, а форма, и обыкновенно протолковывалось оно или какъ тонкая остроумная дипломатія, или, если имѣть въ виду скоро брошенные заботы о благоустройствѣ домашняго студенческаго быта, какъ искусственная излишняя хлопотливость, объясняемая долговременною жизнью покойнаго на чистоплотномъ и посильно комфортабельномъ Западѣ. Они далѣе подробно войдутъ въ профессорскіе и ученые труды покойнаго, который уже въ дни маститаго своего юбилея признавался всѣмъ намъ, что процессы фізіологическаго питанія получили возможность невозбраннаго и нестѣсненнаго своего дѣйствія въ немъ лишь послѣ того, когда онъ успѣлъ выработать свое нравственно богословское воззрѣніе. И эти подготовительныя работы по всему скоро примутся, также заданныя имъ свидѣтельства своего церковно проповѣдническаго таланта. Таковы основные пункты, изъ коихъ получится достаточный матеріаль для неумытнаго суда исторіи. И къ этимъ виднымъ для всѣхъ, а также и мною раньше отмѣченнымъ (въ Историч. Запискѣ) пунктамъ необходимо для послѣдняго присоединить педагогическія работы покойнаго въ царственной Семѣ, пока закрытой для ихъ опознанія, о коихъ мы только по наведенію можемъ увѣренно догадываться, что имъ былъ отданъ трудъ всецѣло добросовѣстный. И можетъ, только послѣ всего этого, предъ потомствомъ обрисуется эта русско-христіанская натура, ума крѣпкаго и высокаго, *сплошь* незлобивая, благостная.

Однако, кромѣ невозможнаго теперь точно содержательнаго и строго соображеннаго историческаго суда, есть еще другой судъ, высказать который для насъ, современниковъ и учениковъ покойнаго, составляетъ прямой долгъ. Это: долгъ передать потомству то общее *впечатлѣніе*, которые оставилъ по себѣ упокоившійся историческій дѣятель. И кажется будетъ совершенно правильно формулировать его такъ что: доживши до предѣльныхъ лѣтъ, какіе Псалмопѣвецъ назначалъ для людей своего, правда, времени, онъ не только не пережилъ самаго себя, но сколько бы онъ ни жилъ далѣе, все равно кончина его сказывалась бы безвременною, наступившей раньше того, когда она справедливо имѣла бы наступить. Во-1-хъ, въ немъ жила, неустанно и бодро дѣйствовала творческая сила духа, способная къ такому развитію, границъ которому нельзя видѣть и опредѣлить. Она не только не ослаблялась по мѣрѣ ослабле-

нія тѣлеснаго, по скорѣе тѣлесные дефекты, закрывшіе отъ покойнаго весь видимый міръ, вмѣсто того, чтобы парализовать его способность къ идейному крупному мышленію, какъ это бываетъ у слѣпорожденныхъ, для него было толчкомъ, создавшимъ новое поступаніе впередъ. Думается, вполне достаточно сослаться здѣсь на то, что о нелегкомъ произведеніи даровитаго и длинно творившагося труда, о многотомномъ произведеніи, котораго самъ онъ не могъ читать, онъ былъ въ состояніи господственно судить, какъ судить умъ, вполне созрѣвшій, объ умѣ еще не перешедшемъ границъ освоенія, а все еще освающемся. Если же духъ живетъ и сказываетъ самыя тонкія особенности своего духовнаго естества, то есть ли какія-нибудь внутреннія, неслучайныя основанія къ тому, чтобы носитель его смолкъ и разрушился, и это было бы въ порядкѣ вещей. А потомъ это было неумѣстной гиперболой, когда называли его пророкомъ, пусть и при безспорной наличности тѣхъ качествъ его обычной рѣчи, которыя прямо подразумѣваются въ этимологическомъ смыслѣ главнаго еврейскаго именованія пророка—нави, дающаго представленіе живаго потока. Во взамѣнъ этого, онъ прямо и само собою входитъ въ сонмъ тѣхъ богато-одаренныхъ людей чуть ли не всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, которые пролагали первыя начальныя тропы для интеллектуальной жизни даннаго народа и благодаря ея новости, неподготовленности, а отсюда органической трудности, по большей части умирали преждевременно. Господь спасъ его отъ этой злой судьбы, но думалъ и мыслилъ онъ какъ они. И у него это было, логически говоря, не мышленіе, не дѣло головы, получившей по наслѣдству всѣ приспособленія, при которыхъ умственная работа идетъ спокойно, плавно, словомъ какъ у извѣстнаго мастера идетъ работа при наличности всѣхъ потребныхъ инструментовъ. Въ то, что становилось предметомъ его занятія и его рѣчи, онъ долженъ былъ войти всей душой, отождествиться съ нимъ до неотдѣлимости, вжиться въ него. на работу надъ нимъ или точнѣе—на заботу о немъ—должны были устремиться всѣ стороны духовнаго естества его и объективное представленіе его о предметѣ, собственно говоря, было событіемъ его собственной личной жизни. А отъ этого рѣчь его мало кого не *привывала* къ себѣ, и всевозможныя аудитории—ученыя, общественныя, церковныя и другія всегда невольно привлекали къ нему цѣлыя громады и не были слова

его хлѣбомъ только для однихъ, для другихъ же камнемъ, и наконецъ живая дѣйственность его слова ни на одну іоту не уменьшилась, когда долгъ строго ученой осторожности и обстоятельности сталъ для него закономъ, не отложнымъ закономъ, а старость—удѣломъ, и отъ этого не изсушилось, не охладѣло ни его мышленіе, ни его слово. Да, то дѣйствительно заслуживаетъ сожалѣнія, что человѣку не было суждено прожить всѣ 160 лѣтъ, которые теперь начали обѣщать человѣку непереходные знатоки медицинской науки.

И особеннаго, добавлю, заслуживаетъ сожалѣнія въ виду той задачи, успѣшное рѣшеніе которой сильно переродить наше мятущееся отечество. Въ историческомъ своемъ происхожденіи она явилась въ педагогической, воспитательской оправѣ и начало ея уходитъ въ древнѣйшія времена глубокаго язычества, когда совѣсть нимало не воспрещала отвозить устарѣвшихъ родителей въ безлюдныя мѣста для гибели отъ звѣрей или голода. Старческій періодъ считался совсѣмъ безправнымъ и одряхлѣвшимъ физически мѣста не находилось. Религія и просвѣщеніе исправили эту грубость и вызвали противоположное отношеніе къ маститому возрасту, такъ что уваженіе къ нему стало неотмѣннымъ, неотложнымъ требованіемъ простаго приличія. Но могъ ли усоншій старецъ признать за собою право на существованіе только въ виду прежнихъ своихъ трудовъ и заслугъ, какъ бы велики они ни были. Полагать надо, что это было для него запросомъ самосохраненія: найти для послѣдняго періода человѣческой жизни такой смыслъ, при которомъ бы онъ не являлся безличнымъ, безхарактернымъ и только терпимымъ, но заключалъ въ себѣ своеобразную фізіономію, положительную и благодѣтельную силу. Трудно рѣшить, представлялась ли ему работа надъ этимъ, какъ второй праздникъ воспитательнаго дѣла, послѣ недавняго перваго праздника—учено-авторитетнаго и признаннаго настоянія на обязанности семьи и школы не торопить дѣтей къ переходу на возрастъ слѣдующій. Заявленное ему его ученикомъ увѣренное ожиданіе отъ него полной и христіански правильной реабилитаціи старости, къ прискорбію, дошло до него уже въ то время, когда онъ «доживалъ послѣдніе искры своей жизни». Но суть здѣсь не въ педагогическомъ формулированіи задачи, а въ дѣловой работѣ надъ преобразованиемъ старости въ состояніе само за себя отвѣчающее. Работа же такая несомнѣнно совершалась имъ. По существу дѣла ста-

рости, кромѣ того, что въ ней повторяется чистота дѣтскаго періода; кромѣ того, что для нея земные идеалы теряютъ свою притягательную силу, которая назойливо заявляетъ себя въ періодѣ мужескомъ; кромѣ того, что, въ противоположность послѣднему, для котораго первое есть непременно достигнуть своей цѣли, здѣсь первымъ является *характеръ* цѣли и достигающихъ ее средствъ, — кромѣ всего этого, старческому возрасту естественно присуща та дальновидность смиренія, заступившаго мѣсто гордыни, господствующей въ предшествующемъ періодѣ, — дальновидность, по которой не изъ чувства и вѣры лишь, но по убѣжденію, основанному на многихъ прожитыхъ опытахъ, человѣкъ становится способнымъ видѣть за деревьями лѣсъ, за ближайшими причинами прозирать конечную Высшую Первопричину; и на каждое, повидимому, блестящее возраженіе наклоненъ только своими словами повторять величественный отвѣтъ Ліонскаго святителя старца: узнаешь, если будешь достоинъ. Отсюда жизнь въ Богѣ есть единственно правильный, естественный, потому неотложный законъ, который запрашивается, постулируется основными особенностями послѣдняго человѣческаго возраста. Это есть формула, которая сама собою выливается изъ психики старца. Это безспорно вообще; но въ настоящемъ случаѣ я говорю не вообще, а общимъ языкомъ объ одномъ. И если я не вправѣ сослаться на одушевленную рѣчь его въ сентябрѣ 99 года, гдѣ въ передачѣ душевнаго настроенія, сложившагося въ его душѣ, слышалось и готовное стремленіе къ постоянному непосредственному общенію съ Всевышнимъ, и восторженная хвала православно-христіанскому богослуженію, и удивительное проникновеніе въ психику псалмовъ и благоговѣйная апофеоза христіанскаго идеала; то да будетъ свидѣтелемъ его беззавѣтной отданности религіозному та его исповѣдь за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, о которой духовный отецъ его говорилъ, что не ему подобало исповѣдывать болящаго, а послѣднему исповѣдывать случайнаго своего духовника. Отсюда становится очевиднымъ, какъ далеко отъ него стояла какая-нибудь полемика противъ искони существующаго монашескаго старчества, насчитывающаго тысячи своихъ выразителей, которыхъ если бы было 5, Содомъ и Гоморра оставались бы не стертыми съ лица земли. Онъ не узнавалъ бы самого себя, если бы кто примыслилъ ему мысль, будто старцы подвижники занимались исключительно однимъ личнымъ своимъ спа-

сеніемъ. Для него это былъ сонмъ христіанъ, живописующій собою для нашего великаго назиданія то: до какой высоты, глубины и грандіозности богоуподобленія можетъ дойти обновленный Христомъ человѣческій духъ, который для непосредственнаго общенія съ Богомъ нашель въ себѣ силы отрѣшиться отъ мірскихъ привязанностей и отъ всякаго прилаживанія къ міру, какъ онъ есть въ данное, всегда несовершенное время. И чѣмъ болѣе это достигается старцемъ, тѣмъ болѣе онъ стоитъ внѣ мірскаго. Онъ не отказывается, напротивъ всегда готовъ войти въ нужды, скорби и совѣсть обращающихся къ нему. Теофанъ Затворникъ, или Амвросій Оптинскій и являлись, и считались истинными радѣтелями о ближнихъ, обращавшихся къ нимъ и получавшихъ утѣшеніе, совѣтъ, врачеваніе. Но тутъ міръ приходилъ къ нимъ, они же были не въ мірѣ, а въ Богѣ; и когда по хр. долгу они входили въ мірскія скорби и нужды, они находились не при себѣ, или у себя, но въ инобытіи. Достаточно одинъ разъ посмотрѣть, напр. на 70-тилѣтняго Оптинскаго старца Іосифа, когда онъ приходитъ въ храмъ и становится на молитвы; всякому безъ напряженнаго наблюденія скажется, что вотъ гдѣ его родная сфера и онъ настолько ушелъ въ созерцаніе, что ничего кромѣ божественнаго для него уже не существуетъ; и онъ—врачъ, для котораго молитва была сухимъ формальнымъ обрядомъ, начиналъ живо ощущать, что это есть особое дѣло не всѣмъ дающагося небожительства на землѣ. Какъ бы тамъ, однако, ни было, но это удѣлъ немногихъ—которымъ сказано: могій вмѣстити да вмѣстити! За симъ остается безчисленная масса христіанъ, которымъ недоступно такое именно старчество — такое полное идеальное осуществленіе особенностей, свойственныхъ психикѣ старческаго возраста. Кто же, однако, позволить себѣ думать, что и для этой безчисленной массы живущихъ въ мірѣ, не отказывающихся ни отъ мірскихъ дѣлъ, ни отъ земныхъ привязанностей, не обязательна та же самая жизнь въ Богѣ? Напротивъ, по отношенію и къ нимъ твердо какъ непремѣнный законъ стоитъ слово Златоуста, что между миряниномъ и монахомъ не можетъ быть никакого существеннаго различія, исключая только одного, строго говоря, чрезвычайно относительнаго, уже потому, что и въ доселѣшней исторіи оно не всегда имѣется на лицо, напр. Оригенъ и мн. др. Дѣло только въ томъ, что въ одномъ порядкѣ человѣкъ безпримѣсно живетъ божественнымъ, такъ сказать не расходуетъ своей силы ни на что этому постороннее. ищетъ

такого, напрімѣръ, нравственнаго усовершенія, что, какъ говорилъ одинъ древній христіанскій учитель, ему вовсе не требуются скрижали заповѣдей, одна мысль о вездѣприсутствіи Божіемъ сильна воздержать его отъ нечистоты; или старается проникнуть въ глубины божественнаго естества, и совершенно ясно видѣть напрімѣръ, что заповѣдь благожеланія источную свою основу имѣетъ въ простотѣ существа Божія; наконецъ ищетъ, или скорѣе—жаждетъ молитвеннаго единенія со Всевышнимъ. А въ другомъ порядкѣ человѣку предстоитъ развиваться до жизни въ Богѣ, подходить къ ней снизу — постепенно достигая такого совершенія мірскихъ дѣлъ и земныхъ обязанностей, которое, сообразуясь съ законами правды и любви, возвышается до служенія Богу и чтобы устоять на этой обаятельной высотѣ плодотворнаго и чистаго землежителства, ищетъ Неизреченнаго и благодатной Его помощи. Усопшій старецъ не только уважалъ эту жизнь въ Богѣ чрезъ волю и дѣланіе земное, этотъ другой панэнтеизмъ, но всецѣло и безповоротно прилѣпился къ нему, готовый, прямо настроенный къ тому, чтобы всѣми силами нетеплохладной своей души отстаивать его въ виду каждаго, пусть даже и не рѣшительнаго сомнѣнія въ немъ, пусть даже только опасенія, что на этомъ пути легко потерять Бога и заоченѣть на одной морали. И въ этой его ревности былъ серьезный смыслъ. Кромѣ того, что призывъ къ такому панэнтеизму есть призывъ самого Спасителя, ибо добрые дѣла, которыми христіанинъ долженъ прославлять Отца Небеснаго, суть прежде всего дѣла моего призванія, моей должности, моего промысла, кромѣ этого онъ видѣлъ и казнилъ этими постоянными примѣрами двоевѣрія, гдѣ жизнь въ Богѣ, какъ видно, не только не отрицалась, а покрывалась прямо и ежедневно, и всетаки на лицо былъ полный просторъ настоящему язычеству въ мірскихъ дѣлахъ, которое засимъ постепенно самое богопочтеніе разрѣшило въ бездушный формализмъ и несетъ немалую вину въ нынѣшней эпидеміи бѣгства изъ православія. И этимъ рѣзко подчеркивалась вся настоятельнѣйшая необходимость панэнтеизма, какъ лекарства, кореннымъ образомъ излѣчивающаго болѣзнь двоевѣрія, и по существу никакъ и нисколько не влекущаго отъ Бога, отъ Церкви, отъ св. таинствъ. Съ другой стороны, въ юности онъ жилъ сплошь окруженный людьми прежней деревенской Руси, людьми такого склада, при которомъ за отечествомъ нашимъ по праву укрѣпилось именованіе Руси святою. И живя

въ чужихъ странахъ, засимъ въ отечественномъ Вавилонѣ, онъ, однако, не забылъ этой прежней атмосферы до послѣдняго своего издыханія, и вѣроятно всего оттуда еще залегъ въ его душу тотъ своеобразный мистицизмъ, при которомъ онъ не только не былъ способенъ, какъ Базедовъ, предъ смертію нарочито заявить о своемъ желаніи послужить своимъ тѣломъ медицинѣ, анатомической наукѣ, но напротивъ настойчиво просилъ о томъ, чтобы послѣ его кончины по крайней мѣрѣ въ теченіе 2-хъ часовъ оставили въ неприкосновенномъ покоѣ тѣлесную храмину его сильной души. А въ этой крѣпко памятной ему атмосферѣ на житейское свое, земное дѣло обычно глядѣли какъ на святыню, хлѣбъ называли даромъ Божиимъ, ронять крохи его на полъ считали грѣхомъ, и совсѣмъ нерѣдко встрѣчались примѣры того, что трудно было рѣшить, потому ли радуется сельскій клирикъ или простой крестьянинъ урожаю на своемъ полѣ, что онъ обезпеченъ въ своемъ пропитаніи; или же скорѣе тому, что вотъ Господь сподобилъ его мертвую землю сдѣлать творящею добро. *Отсюда* сказывалось, что служеніе Богу въ дѣлахъ есть родная, прирожденная склонность русской души, отъ которой только отвыкли, а не то, чтобы ее нужно было создавать совсѣмъ ужь заново. И потому онъ могъ лишь стараться какъ можно крѣпче обставить это великое служеніе Богу, найти и указать принципиальныя основанія, при коихъ каждый считалъ его неотложнымъ долгомъ христіанскаго своего званія и вмѣстѣ не отпугивался не отрекался отъ него въ виду мірскихъ заботъ, которыя вытекаютъ изъ чисто житейскихъ потребностей, благоустройства жилища и т. п. и въ которыхъ прямого панэнтеистическаго значенія не имѣется, напротивъ, съ точки зрѣнія чистаго панэнтеизма въ нихъ усматривается нѣчто инородное, во всякомъ случаѣ открывающее дверь многимъ соблазнамъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ указывалъ истинныя принципиальныя основанія въ самомъ Св. Писаніи. И насколько онъ успѣшно достигалъ тутъ своей завѣтной прекрасной цѣли, судить не мнѣ. Мнѣ скорѣе виденъ другой дезидератумъ. Конечно, онъ ясно понималъ, что пріобщеніе русскаго люда къ жизни въ Богѣ чрезъ дѣло и волю должно совершаться усиленными, совокупными трудами удостоившихся благодати священства. Поэтому онъ настойчиво призывалъ столичныхъ проповѣдниковъ къ ревностному содѣйствію святому дѣлу. Они изъявляли свою готовность и даже давали опытные примѣры такого проповѣдничества, которое при твердомъ напомниманіи

о грѣховности человѣка, твердо поставленнымъ и въ его нравственно-богословскимъ воззрѣніи, не безъ успѣха старались въ само по себѣ блазнящемъ указывать такую сторону, такую его постановку, при которой оно приблизительно также обращалось во благо, какъ молнія—разрушительное человѣческимъ разумомъ пересоздалось въ телеграфъ напр.—въ созидающее. Но тутъ, очевидно, требуется доточная программа, которая бы показывала: какой именно коренной реформѣ подлежить пастырское воздѣйствіе священнослужителей, которая бы, говоря вообще хотя и дов. точно: совершенно похоронила прежніе его способы—и отвлеченнаго нравств. богословскаго разсужденія, рационализированія, и хорошо возбуждающаго, но безслѣдно проходящаго дѣйствія на чувство, а ясно и убѣдительно показывала, что въ настоящее время: послѣ суда слова Божія, Церкви и св. исторія, пришло время съ должною силою, знаніемъ и умѣніемъ ставить пасомныхъ *предъ судомъ того самаго дѣла*, которое они выбрали для своей дѣятельности и совершаютъ его для покрытія запросовъ своего *личнаго* благополучія. Какъ бы тамъ ни было, но толчекъ доброму предпріятію данъ у насъ этимъ приснопамятнымъ труженикомъ. И поэтому едва ли ему не принадлежитъ честь, если не первовиновника, то апостола, не скажу: возникновенія, но: возрожденія истинно христіанскаго и родного намъ панэнтеизма.

И да будетъ милость ему многа на небесѣхъ. Помолимся о семь.

Пр. Соллертинскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки